

Молодой человек и советская действительность 1920-х годов: формы повседневного протеста

Проблема социального протеста, как составная часть социологии конфликта, в последнее время все более привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. При всех своих бесспорных достижениях *советская* подцензурная историография была ограничена рамками классово-партийного догматического подхода. В частности, молодежная проблематика в основном сводилась к освещению партийного руководства комсомолом; тема молодежного протеста в СССР вряд ли могла даже быть сформулирована, поскольку считалось, что топию в *буржуазных* обществах есть конфликт поколений, что только *западная* молодежь протестует против «социально-антагонизма» и «классовых противоречий» капиталистического общества.

Уже настало время для серьезного осмысления причин и форм протеста молодежи в советской России 1920-х гг. Разобраться в повседневных проявлениях молодежного протеста — значит сделать очередной шаг к более объективному представлению о молодом человеке 20-х гг, о его подлинном восприятии советской действительности, о его реакции на окружающий мир.

Основные понятия

Термин «протест» имеет множество схожих вариантов трактовки в различных изданиях. Мы рассматриваем протест не только и не сколько как *заявление*, тем более *вербальное*. В нашем представлении *протест* — *форма социального поведения, противоположная конформизму*. Он может проявляться в возращении, неприятии, недовольстве, отрицании, отказе, уходе, несогласии, противодействии, попытке изменения существующего порядка вещей и т.п. Это обязательно ответная реакция на что-либо. Такое широкое толкование не случайно объединяет понятие «протест» с понятием «*сопротивление*» (противодействие); мы рассматриваем их как одноуровневые.

Термин «*молодой человек*» также весьма условный и включает в себя представителей молодого поколения 1920-х гг. Возрастные рамки от 12-14 до 22-24 лет выбраны нами с учетом средней продолжительности жизни, фактического начала трудовой деятельности в рассматриваемый хронологический период. Кажущийся значительным возрастной разброс не усложняет задачу, поскольку в основе нашего подхода к понятию «молодой человек» лежит принцип противопоставления возрастных групп («молодой — не молодой»).

Для познания причин и механизма протеста нам важно отметить *общность* черт психологии молодых людей: максимализм, гиперэмоциональность, неприятие формализма, повышенную лабильность настроений, стремление к независимости, обостренное чувство справедливости, сосредоточенность на своем внутреннем мире, «зуд новаторства, свержения и критиканства».

Мы исследуем протест не «среднестатистического», а «совокупного» молодого человека, понимая под этим типичный опыт *многих* и разных людей.

Термин *«советская действительность»* как обобщенный объект молодежного протеста выбран нами не случайно. Мы считаем, что такие понятия, как «власть» или «режим» в качестве адресата протеста сужают исследовательское поле, изначально политизируя его. Понятие «действительность» как объективный мир во всем его многообразии, как окружающая обстановка, повседневный уклад более предпочтительно.

Мы рассматриваем молодежный протест против советской действительности 20-х гг в большей степени *не в широком* (как часть общенародного сопротивления большевистскому режиму в целом), а в узком смысле (как реакцию несогласия молодого человека с окружающим его миром взрослых, как естественное проявление юношеского бунтарства), имея в виду три сферы: социально-экономическую, идейно-политическую и семейно-бытовую.

Источниковой базой данного исследования стали многочисленные материалы, хранящиеся в шести центральных и региональных архивах (РЦХИДНИ, РГАЭ, ЦХДМО, РГВА, ЦДНИКК, ГАКК), результаты социологических исследований 1920-х гг., материалы этнографических наблюдений и обследований, периодическая печать тех лет (включая эмигрантскую).

Явный протест

Говоря о явном протесте, мы имеем в виду такие проявления несогласия, которые следуют *непосредственно* в ответ на раздражитель. Это явно выраженный протест, нередко сопровождающийся вербальной (либо письменной) декларацией: забастовки, митинги, отказ от каких-либо предписанных действий, голодовки, открытые заявления о несогласии, массовые волнения, бунты и т.д. Они обычно протекают в эмоциональной и агрессивной форме и зачастую приводят к беспорядкам и деструкции. Субъектами такого протеста являются чаще всего *организованные* группы молодых людей.

Студенческая молодежь продемонстрировала свой бунтарский нрав, когда по советской России (особенно в Москве, Петрограде, Харькове) в 1920-1921 гг. пронеслась первая волна массовых студенческих забастовок и беспорядков, условно именуемая нами «студенческим Кронштадтом» (к слову, Крон-

штафт «настоящий» был осуществлен в большинстве своем именно молодежью, это было первое вооруженное восстание молодых людей против режима).

Студенты требовали освобождения политзаключенных, предоставления реальных, а не декларируемых демократических свобод, перевыборов Советов при тайном голосовании, автономии высшей школы, освобождения учебных программ от политграмоты. Студенты Петровской сельскохозяйственной академии приняли декларацию недоверия советской власти. Критика порядков имела место и в Тимирязевской академии (группа Е. Дояренко). В МВТУ весной 1921 г студенты отказались сдавать экзамены в знак протеста против снятия с работы демократически избранного ректора, собрались на бурлящую сходку и потребовали сохранить самоуправление в вузе. Только репрессивными мерами властям удалось сбить волну уличных демонстраций. В мае и ноябре 1921 г. были проведены массовые аресты участников волнений, которых ожидали тюрьмы и ссылка. Много студентов было арестовано за распространение листовок, призывающих к неповиновению и борьбе с насилием советской власти¹.

Власти испугались студенческого протеста, но ответили на него не уступками, а еще большим «закручиванием гаек», набором студентов по классовому признаку, пролетаризацией высшей школы (созданием рабфаков; облегчением условий приема для рабочих, членов партии и комсомола; введением высокой платы для непролетарских студентов; «чистками», «фильтрациями» студентов по социальному происхождению; требованием от них обязательного предоставления справки ГПУ о лояльном отношении к советской власти²). Некоторая часть студенчества не смирилась с подобными мерами и решительно протестовала.

Зафиксированы такие проявления протеста, как избитие членов комиссии по «чистке», умышленное затопление аудиторий водой, применение химических веществ в разрушительных целях. Многие студенты — члены партии и комсомола — пополнили ряды так называемой «троцкистской» и «троцкистско-зюновьевской» оппозиции. На деле это выражалось в решительном требовании внутрипартийной и внутрисоюзной демократии, регулярной отчетности выборных органов перед организациями, отмены института назначенцев, отказа от кастовости аппарата, казенщины, бюрократизма. В 1925 г в соловецкой ссылке находились 27 ленинградских студентов за «беспорядки», учиненные в апреле 1924 г. В 1926 г в Бутырской тюрьме появились 32 студента из Ленинграда, протестовавших против «чистки» вузов. Вскоре 17 студентов были расстреляны, такая же участь постигла 8 киевских студентов, не согласных с «чисткой». Наиболее распространенным наказанием для сопротивляющихся советской действительности студентов тогда были три года ссылки. Их можно было получить за любое проявление недовольства — за протест против высокой платы за обучение или против низкой стипендии, за разоблачение пьянства в камчатке, даже за песню «Бурлаки», которая при царе распевалась молодежью беспрепятственно³.

Протест *красноармейцев* с трудом вписывается в наши знания об обычных действиях и поведении «человека с ружьем». Вместе с тем молодой человек в Красной Армии 20-х гг нередко протестовал довольно бурно и открыто, несмотря на жесткую дисциплину, тотальный политический контроль и коммунистическую пропаганду.

Армейская молодежь (в подавляющем большинстве крестьянская) и в казарме жила деревенскими проблемами, остро переживая тот урон, который нанесла ее родному хозяйству служба в армии. Красноармейцы роптали на невозможность получить в армии специальность для гражданской жизни, выражали недовольство местными властями, не заботящимися о семьях военнослужащих (например, письма красноармейцев дома подвергались доплате, семьи не всегда освобождались от налогов). Создаваемый в массовом сознании лубочный образ «народной», «рабоче-крестьянской»,

«легендарной» армии с командирами из трудовых низов, социальной справедливостью и равенством довольно быстро входил в противоречие с реальной армейской повседневностью. Материальные лишения еще сильнее разжигали недовольство.

Моряки-черноморцы с Николаевской базы летом 1923 г. отказались заступать в наряд вне своей очереди и требовали освободить товарищей, прежде арестованных за это. В результате 37 краснофлотцев (в том числе 17 комсомольцев) были преданы суду военного трибунала. По данным особого отдела ОГПУ, в ноябре-декабре 1925 г. только в частях СКВО было зарегистрировано 429 случаев коллективных отказов от выполнения приказаний. Красноармейцы самовольно, иногда всем составом караула, покидали посты в знак протеста против фактов несправедливости со стороны командиров или материальных лишений. Например, в 14-й дивизии МВО были отказы от заступления в караул по причине отсутствия обмундирования. Известен случай, когда красноармеец при попытке насильно снять с него брюки для заступающего в караул сослуживца обругал матом своих командиров⁴.

Отказ от приема пищи стал массовым явлением в Красной Армии. Как докладывал уполномоченный ОГПУ по 74-й Таманской дивизии, там только за год было около 300 подобных случаев, причем комсомольцы в этих событиях играли далеко не последнюю роль. Коллективный отказ от пищи мог происходить по любому поводу — из-за нежелания служить в армии, оскорбления или очередной несправедливости со стороны командиров, из-за плохого качества пищи и т.п. Судя по имеющимся данным, питание действительно было очень скверным: не хватало мяса и жиров, нередко кормили гнилыми овощами и картофелем, прогорклым маслом. По данным В.С.Измозика, проанализировавшего 744 письма из РККА, о плохом питании сообщали 65,7% корреспондентов, о плохом обмундировании — 38,5%, недовольство службой выказывали 71,4% военнослужащих⁵.

Ссылаясь на недоедание и слабость, красноармейцы *отказывались от хозяйственных работ*; моряки в знак протеста против запрета на увольнение *несвоевременно возвращались с берега*. В 12-й дивизии в знак протеста против перегруженности хозяйственными работами на вечернюю прогулку не вышли одновременно около 500 человек; в другой части боец демонстративно покинул политическое занятие, его примеру последовали еще 10 сослуживцев. Несколько музыкантов в СКВО отказались играть на вечере в пользу РККА, заявив, что деньги от концерта все равно пойдут в карман командиров. В той же бригаде целый эскадрон отказался принимать участие в параде, посвященном седьмой годовщине Октября⁶.

Нередко открытый протест против окружающей действительности выражали и *маргинальные слои молодежи* — беспризорники, безработные подростки. Беспризорники проявляли недовольство не столько своим тяжелым положением, к которому они довольно быстро привыкали, сколько попытками «не своих» вмешиваться во внутренний мир и быт беспризорного братства. Любое ограничение свободы было для беспризорников равносильно смерти, и они сопротивлялись этому всеми способами, вплоть до преступных.

Пойманные в результате облав беспризорные отказывались подчиняться сотрудникам милиции, назывались чужими именами, били стекла и ломали решетки в приемниках-распределителях, оказывали физическое сопротивление, совершали побег. Власти в ходе наиболее массовых операций по борьбе с уличной беспризорностью устанавливали на железнодорожных узлах заградительные отряды, а в случае ожесточенного сопротивления со стороны банд беспризорных прибывшие на подмогу войска расстреливали последних из пулеметов⁷.

Многие беспризорники считали детские учреждения «могилой», «тюрьмой». Побег, уход из детдомов и приютов были наиболее распространенными формами их повседневного протеста. Выступали они не только против огра-

ничения свободы, но и против постоянных унижений, издевательств, рукоприкладства со стороны горе-воспитателей.

Из одного такого «приюта» за три месяца сбежали 270 беспризорников из 286. В среднем из учреждений с жестким, принудительным характером содержания убежало около 40-45% воспитанников, в то время как из детдомов с хорошими условиями содержания и заботливым уходом бегети составляли не более 1-2%⁸

Нередко доведенные до отчаяния беспризорники восставали против тюремного режима и жестокости «педагогов» и, «подогревшись» алкоголем или наркотиками, поднимали настоящие бунты.

В 1926 г в одном из ленинградских детдомов беспризорники вооружились камнями и палками и стали избивать своих воспитателей и крушить все вокруг В 1929 г. воспитанники самарского детдома, накурившись анаши и приняв спиртное, подняли бунт и забаррикадировались в одной из комнат. Прибывших милиционеров они забросали кирпичами и палками. Детское восстание против жестокого обращения и муштры вспыхнуло в бузулукской колонии и тоже было «временно заглушено милицией». Подобные вспышки протеста беспризорных были в Бугуруслане, Сызрани и многих других местах⁹.

Случаев открытого протеста *безработной молодежи* известно немного, хотя таковой только на учете в биржах труда по стране насчитывалось в 1927 г более 150 тыс. чел. (от 12 до 40% всех безработных). Пособиями по безработице из них был обеспечен лишь каждый девятый. С учетом скрытой безработицы среди подростков 14-17 лет масштабы молодежной безработицы составляли более 1 млн чел.¹⁰. Эта часть молодых людей не была заинтересована в громких скандалах, поскольку вследствие такого поведения могла надолго сохранить свой статус.

В Воронежской губернии в 1925 г группа безработных комсомольцев вначале хотела предъявить ультиматум местной власти с требованием предоставить им работу, но затем передумала и решила начать с ограбления монастыря (у них имелось оружие еще с гражданской войны). В Ижевске (где каждый шестой безработный был подростком) безработная молодежь в 1928 г протестовала против несправедливого (за взятки) распределения рабочих мест. Подростки стали громить здание биржи труда; выстрел из револьвера, произведенный сотрудником биржи, еще более обострил ситуацию. Навести порядок смог только отряд конной милиции, но и после этого в течение двух дней подростки грозились сжечь биржу. Они требовали освободить арестованных товарищей, провести тщательное обследование своего материального положения и учет безработных подростков и взрослых весте раздельно. Инцидент был настолько громкий, что вошел в информационную сводку ЦК ВКП(б)¹¹

Одной из наиболее часто протестующих групп молодежи были *комсомольцы* — надежда и опора советской власти. Сам комсомол в 1922 г охватывал своим влиянием всего лишь 0,8% крестьянской, 5,9% городской и четвертую часть рабочей молодежи¹². Причин для их протеста было немало.

Во-первых, чтобы стать членом комсомола, надо было переступить через недовольство своих родителей (это тоже был протест), а значит, очаг конфликта в семье всегда тлел.

Во-вторых, молодежь, по природе своей стремящаяся к самостоятельности, в комсомольских рядах сталкивалась с партийным руководством, на деле часто подменяющимся диктатом. Конфликт поколений среди самих коммуни-

став в те годы был повседневной реальностью, хотя и тщательно скрывался партийной пропагандой.

В-третьих, многие молодые люди вступали в комсомол с искренней верой в победу мирового коммунизма и в скорое счастливое будущее. Действительность оказывалась куда суровее и мрачнее. Выдерживали такое раздвоение немногие. Особенно тяжело пришлось тем, кто испугался не «трудностей роста», а увидел перерождение власти, отступление от идеалов Октября, отход «от Ленина». Далее все зависело от типа самоопределения личности комсомольца («изменить себя» или «изменить мир»). Первые уходили «в себя», нередко совершая самоубийство. Вторые пытались бороться, возглавляли беспартийную молодежь.

В-четвертых, среди вступавших в комсомол было много проходимцев, лишних людей, ожидавших от союза льгот и привилегий и бежавших при первых трудностях; были отъявленные хулиганы и любители спиртного, которые в случае борьбы с ними громче всех протестовали против «нарушения внутрисоюзной демократии». Пестрый состав союза определял и различия в социальном поведении его членов.

Комсомольцев 20-х гг справедливо критикуют за воинствующий атеизм, участие в продотрядах, выслеживание «классовых врагов» и т.д. Но факты свидетельствуют, что по крайней мере к концу того десятилетия многие члены союза стали будто прозревать, пытались бороться с аномалиями советской действительности. Это вряд ли была борьба со сталинщиной (хотя она уже намечалась). Просто резкое ухудшение ситуации в конце 20-х гг, наступление партии и города на деревню заставили многих задуматься и определиться.

Комсомольцы-крестьяне по-разному выражали свое несогласие с политикой ограбления деревни под видом хлебозаготовок и самообложения крестьян. Были распространены такие формы протеста, как саботаж, выход из колхозов, открытые выступления на собраниях и в крестьянских коллективах. В период проведения акций по изъятию хлеба некоторые комсомольцы на несколько месяцев покидали свои дома, чтобы не участвовать в позорном деле. На Кубани в нескольких районах комсомольцы организовали забастовки против коллективизации, мотивируя это тем, что «колхозы разрушают собственное хозяйство». В школах ими распространялись стихи и прокламации против хлебозаготовок

В Орловской организации ВЛКСМ несколько комсомольских активистов открыто выступили против хлебозаготовок, самообложения и крестьянского займа, всячески противодействовали посевной кампании. На собрании районного актива в Московской области группа комсомольских лидеров открыто выступила против партийной линии в деревне, заявив, что «борьба классов в СССР — это борьба пролетариата и крестьянства». Комсомольцы протестовали против раскулачивания, утверждая, что «кулаки помогают советской власти, сдают хлеб, кормят нас»; «в деревне нет ни бедных, ни богатых, всем надо жить в мире», а один комсомолец даже заявил, что «никаких кулаков нет только в районе нет, но и в Московской области»¹³.

Комсомольцы были недовольны также ухудшившимся положением рабочих в СССР и другими направлениями политики партии.

В Тамбовской губернии в 1925 г. несколько союзных активистов создали «Группу освобождения крестьян и рабочих», которая противодействовала налоговой политике государства и выступа-

ла за улучшение быта рабочих. В Смоленской области члены союза призывали отказываться от 2-го займа индустриализации, поскольку «он идет в карман коммунистам». Группа делегатов IX съезда комсомола написала письмо протеста в «Комсомольскую правду», в котором руководители страны назывались «паразитами хуже царских чиновников»; письмо заканчивалось такими словами: «Мы заявляем, что не будем работать до тех пор, пока нам не дадут хлеба, мяса, жилища, одежды» (разумеется, письмо не было опубликовано). В 1927 г. в Ленинграде была арестована группа комсомольцев, открыто вставшая на защиту «искаженного ленинизма», выступившая против сталинской политики (заметьте, что в 1925 г. ленинградская организация ВЛКСМ приняла постановление об отказе подчиняться решениям XIV съезда партии, а на VII съезде комсомола один из ленинградских лидеров И.Катальнов заявил: «Наш союз не сталинский, а ленинский»). На рубеже 20-30-х гг. 17 московских комсомольцев послали письмо протеста А.Косареву, в котором они сообщали, что решительно и навсегда порывают со сталинской линией: «Надеемся быть активными борцами за изменение существующих безобразий, как-то: очереди, нет ничего, рабочие босые, голодные и запуганные. Наше мнение, что Сталин — не ленинец»¹⁴.

Руками комсомольцев было написано немало *листовок*, в которых выражалось несогласие с текущей политикой партии и советских органов. Эти антикоммунистические и антисоветские листовки составлены молодыми людьми, желавшими только одного — нормальной жизни.

Прокламации составлялись, как правило, от имени неких подпольных организаций. В Северном крае была выпущена листовка организации «Долой большевика!», состоящей из членов партии и комсомола: «Новый класс эксплуататоров набивает себе карманы, получает зарплату и тайно загребает продукты и промышленные товары для блага кучки вашего благородия... Будьте готовы к срыву плана лесозаготовок, к убийству ярых коммунистов, комсомольцев и активистов. Наша генеральная линия — бей большевика и долой большевика!». В Ленинграде распространялась прокламация, призывающая к организации «групп нового быта». В ней заявлялось: «Партия уже переродилась, комсомол начинает перерождаться, вся надежда на пионеров, которые должны стоять в авангарде». Одна студенческая листовка зывала: «Дай нам жить, дай одежду, жилище, дай нам мораль, культуру, науку. Иначе мы погибнем, не успев родиться. Имя Ленина для нас священо. Тем сильнее мы должны протестовать, видя, как это имя попирается, как прикрываются им партийные выживити и жулье, стараясь оправдать теперешнюю политику». Впрочем, были и экстремистские призывы националистов от ВЛКСМ, как, например, воззвание организации «Русский комсомолец от станка», в котором читаем: «Пора встрепенуться, настал уж момент. Бросай конину, ешь свинину, бей жидов, спасай Россию»¹⁵.

С сер. 20-х гг. неудовлетворенность многих членов комсомола союзом молодежи стала усиливаться и принимать массовый характер. Существенно возросло количество комсомольцев, не уплачивавших членские взносы, не посещавших комсомольских собраний, добровольно либо механически выбывших из рядов ВЛКСМ.

В нескольких промышленных губерниях из примерно 12 тыс. членов комсомола выбыли около трети. В Московской губернии за один отчетный год вступили в комсомол 17 тыс. чел., а выбыли 12 тыс. В аграрной Кубани за 6 месяцев 1926 г. в союз вступили 2565 чел., а выбыли механически и добровольно 1879, еще 370 были исключены. Спустя два года картина ухудшилась: так же за полгода было принято всего лишь 1377 чел., а исключенные и выбывшие добровольно составили 2385 чел. (из них добровольно вышли 2104 комсомольца). Разумеется, не совсем корректно за этими цифрами видеть сплошь открытый протест молодежи против политики союза, против внутрикомсомольской действительности, однако сами руководители партии и комсомола признавали, что добровольные выходы вызваны неудовлетворенностью работой союза, несоответствием содержания и форм работы запросам молодежи¹⁶.

Те же, кто подавали заявления о выходе из комсомола, демонстрируют широкий спектр мотивов: недовольство союзной работой, несогласие с политикой партии (эксплуатация крестьянства, отсутствие социального равенства); их не устраивает перерождение комсомола, моральное разложение его рядов.

Типичные мотивы, на которые указывали юноши, были, к примеру, такие: «не удовлетворен слабой дисциплиной в ячейке, отсутствием порядка на собрании, отсутствием поручений», «разочаровался в идеалах ВКП(б) по несправедливости», «надоело учить политграмоту» Реже встречались и такие хлесткие заявления: «Считаю главной причиной бедственного положения трудового народа безграничное господство компартии при несомненной поддержке союза молодежи. Не желаю помогать одурманивать трудящиеся массы». Девушки чаще всего были не согласны с антирелигиозной политикой комсомола либо возражали против назойливых домогательств со стороны противоположного пола — «в ячейке хулиганство», «девушкам проходу нет». В Брянской губернии в 1926 г. 22 девушки заявили о коллективном выходе из комсомола по причине изнасилования секретарем ячейки одной из комсомолок. В Нижегородской школьной ячейке из комсомола вышли сразу 37 комсомольцев, протестующих против пьянства и разврата. Они не только покинули ячейку, но и потребовали от ЦК комсомола такую закрыть, а главных виновников отдать под суд. Встречались и курьезы. Например, один великовозрастный член союза, заядлый курильщик, в знак протеста против анти табачной политики ячейки подал такое заявление: «Я не могу бросить курить. Мои годы пребывания в РЛКСМ уже на исходе, поэтому я подаю заявление в РКП(б), где не будет таких правил относительно курения табаку»¹⁷.

Количество исключенных из союза тоже свидетельствует о масштабах протеста в комсомоле. По неполным данным, в течение 1928-1929 гг в 26 крупнейших организациях ВЛКСМ было исключено около 30 тыс. чел.¹⁸ Наибольший удельный вес (до 40%) составляли исключения за пьянство, хулиганство и уголовные преступления (как мы далее покажем, там было немало протестующих, хотя и весьма своеобразно).

Такой мотив исключения, как «нарушение Программы и Устава» (около 35% всех исключенных) на деле был обычным избавлением от несогласных, отказывающихся и протестующих. В 1927 г. по этому пункту в Кубанском округе, например, нередко исключали за «неучастие в хозяйственных и политических кампаниях» (ровно треть всех исключенных). В Славянском районе в 1929 г. 14 комсомольцев-батраков были исключены из союза за отказ участвовать в проведении хлебозаготовок, и таких случаев были десятки. Далее значилась такая причина, как «отрыв балласта» (15%) — за ней также было очень удобно прятать неугодных. Не очень большой удельный вес (около 7%) имели исключенные за исполнение религиозных обрядов, но это тоже нередко был сублимированный протест. Наконец, под расплывчатую формулировку «другие причины» подгонялись такие факты, как групповое исключение комсомольцев кубанской станицы Ольгинской, протестовавших против пьянства в ячейке¹⁹. Иными словами, одни комсомольцы протестовали, выходя из союза, а другие за протест исключали.

Примечательно, что исключенные и выбывшие из комсомола часто не видели себя вне коллектива и объединялись в новые, более близкие им по духу организации. Нередко к ним примыкали и состоящие в ВЛКСМ протестующие.

В Челябинском округе в 1927 г. комсомольцем была создана организация «Союз борьбы за полное освобождение пролетариата», члены которой писали в листовке, что Октябрьская революция не закончена и пролетариату надо сделать выбор: или пойти завершать революцию путем организации вооруженного восстания, или идти снова в кабалу «буржуазии и новым чиновникам» Выбрав первый путь, они собирали оружие. В воронежском селе Воронцовка образовалась «Анархо-комму-

нистическая группа молодежи), в воззвании которой были высказаны недовольство существующим руководством партии, внутрисоюзной линией, отрывом комсомола от несоюзной молодежи, узостью воспитательной работы, отсутствием самостоятельности в союзе, подавлением критики и выражена готовность к нелегальной работе. В Новгороде несколько членов комсомольской ячейки среднего учебного заведения объединились в нелегальную группу анархистов бакунинского толка. На Урале член бюро школьной ячейки комсомола организовал «Союз ленинской молодежи», куда входили и коммунисты. Исключенные из комсомола воронежские юноши организовали две нелегальные группы - «Луч правды» и «Д.К.» («Долой косых», то есть комсомольцев), на Украине 16 комсомольцев образовали «Коопнесп» («Коммунистическую организацию по борьбе с несправедливостями»).

Альтернативные комсомолу организации имели не только политическую направленность. Внутри Акмолинской организации ВЛКСМ были созданы две нелегальные группы, объединяющие коммунистов, работающих в комсомоле — «Оливизак» («Общество любителей выпить и закусить») и «Методика» (методически выпивающих). В одной из оренбургских станиц часть вышедших из комсомола ребят организовалась в группы хулиганского, бузотерского толка — «Общество беспартийного центра молодежи» и «Критический совет»²⁰.

Примечательно, что фривольные песни и стихи «Критического совета» были столь популярны среди молодежи, что вытеснили революционные песни.

Несоюзная молодежь и члены некоммунистических молодежных организаций тоже проявляли свое неприятие советской действительности. В основном они протестовали против монопольного руководства партии молодым поколением. Известно, что комсомол тесно сотрудничал с органами ВЧК-ГПУ в борьбе с некоммунистическими и непролетарскими союзами.

Весной 1921 г. в структуре комсомольских органов появились секретные отделы, в задачи которых входило выявление некоммунистических молодежных союзов, слежка за их деятельностью и пресечение их существования с помощью чекистов. Бюро ЦК РКСМ в январе 1922 г. признало необходимым создание при ВЧК специального органа с представителем от ЦК комсомола для «наблюдения за некоммунистическими организациями молодежи». Спустя месяц президиум ВЧК согласился с этим решением ЦК РКСМ и вменил в обязанность помощника начальника Секретного отдела (при тесном взаимодействии с ЦК РКСМ) управление делами молодежи. Примечательно, что в документе открыто говорится об использовании комсомольских органов *в агентурных целях*. В сер. февраля 1922 г. ЦК комсомола разослал циркулярное письмо о борьбе с некоммунистическими организациями молодежи, в котором предписывал своим органам на местах «наладить информационную связь с ГПУ», «тщательно собирать материал о противнике»²¹.

Основной удар комсомола был направлен на меньшевистский Социал-демократический союз рабочей молодежи (СДСРМ), молодежные организации правых эсеров, националистические, христианские, анархистские союзы молодежи, скаутские организации (всего около 35 союзов молодежи). В течение 1922-1926 гг. комсомол полностью расправился с этими идейными противниками.

Не имея возможностей для легальной борьбы, данные организации либо распались, либо уходили в подполье, что только приближало их конец. По имеющимся сведениям, они избирали в основном вполне мирные формы протеста (листовки, воззвания, декларации).

СДСРМ в распространенном накануне своего роспуска в 1923 г. бюллетене с горечью констатировал отсутствие свободы слова, преследование политических оппонентов в СССР и возлагал немалую вину на комсомол. Возможно, несогласие молодых меньшевиков с комсомолом в какой-то

мере способствовало тому, что с 1922 г. разочаровавшиеся в РКСМ его члены целыми ячейками переходили в СДСРМ.

На Дальнем Востоке действовала некоммунистическая группа «Друзья черного кольца», задачей которой являлась «защита слабых», а главной формой деятельности—драки с комсомольцами. Существовали также «Союз мушкетеров» (с филиалами «Друзья мушкетеров» и «Сестры мушкетеров»), «Орден крестоносцев» и другие организации, не согласные с комсомолом. В Великих Луках действовал «Орден иезуитов», борющийся против коммунизма прокламациями. В одном из воронежских союзов молодежи был лозунг: «Все сословия всех стран, соединитесь!», герб его состоял из креста, серпа, молота, винтовки, пера, черепа с костями и зачеркнутого советского герба. Пожарный, наиболее нестигаемыми были скауты. Один из скаут-мастеров Б.Солоневич впоследствии так определил этот феномен: «Молодежь идет на уступки до какого-то предела, и границы этого предела по каким-то непонятным для комсомольцев законам точно определяются среди скаутских отрядов всей России. И шаги уступок неизменно останавливаются на той грани, когда требуется поколебать основные моральные устои «старого воспитания». И тогда скаут отряды, не имея сил бороться открыто, рассыпаются на неуловимые кучки своих патрулей, но не подчиняются насилию и нажиму». С1923 по 1926 г., вплоть до массовых арестов, скауты действовали в подполье, периодически собираясь на свои тайные слеты и вырабатывая тактику борьбы. Это была действительно «фронта 15-17-летнюк»²²

Конфликт поколений. Известно, что юность инстинктивно тянется к будущему, равняется на него, в то время как устоявшаяся среда стремится подчинить ее своей культуре. Отсюда — антагонизм, борьба «детей» против «отцов» — старших в семье, педагогов в школе. К 1920-м гг. выросло поколение, практически не знающее идеалов дореволюционного прошлого, но готовое с ходу их отменить. Поддержанные комсомолом, советской школой, коммунистической пропагандой, молодые люди противопоставляли свою картину мира отцовской, тем более что родители, боясь доноса со стороны своих детей, как правило, не перечили им.

В этом плане симптоматичны слова героя одного из советских рассказов 20-х гг.: «Я оправдываю библейского Хама, когда он засмеялся над своим отцом, раздетым и пьяным, валяющимся в собственной блевотине. С такой же смелостью хочу я, наконец, засмеяться теперь над своим отцом... Я и отец — люди двух разных эпох.. и сговориться нам невозможно».

Среди юношей — 14,4% среди девушек — 45% признавались в протесте против взрослых. Кроме того, 82% юношей и 88% девушек заявили о своем стремлении к самостоятельности. Большой протест со стороны девушек объясняется тем, что они в семье оказываются менее свободными, чем юноши. Конфликты с семьей возникали по поводу посещения клуба, отказа от религиозных обрядов, из-за чтения советских газет, вступления в комсомол, партию и т. д.²³

Массовым явлением в советской деревне 20-х гг стали *браки «самоходкой», «самокруткой»*. Это самое настоящее противодействие детей родительской воле, их попыткам навязать брачную «партию».

Парень отказывался сватать девушку по выбору родителей до тех пор, пока они не уступят, либо покидал отчий дом для самостоятельной женитьбы, а затем отделялся от родителей. Девушка в случае несогласия родителей с ее выбором грозит вообще не выходить замуж. Но чаще всего она тайком ночью забирала свое имущество и переходила в дом своего будущего мужа, выходя утром работать на его поле²⁴.

В советской школе 20-х гг молодые люди тоже выражали свое несогласие с окружающим повседневным укладом. Положительное отношение к школе у учащихся заметно убывало по мере взросления, в то время как отрицательное

неуклонно росло (недовольных было большинство в 12-13 лет и абсолютное большинство среди 17-летних²⁵).

«В школе паршиво учат», «в школе неуютно», «в школе мало интересного, все личное подавляется, все в ограниченных рамках», «там не всегда можно сказать правду» — вот лишь некоторые отголоски подросткового неприятия школьной жизни. Конфликты между учениками и педагогами происходили на почве попытки ограничить самостоятельность учеников. Действия учителей, пытавшихся использовать свой авторитет без опоры на школьное самоуправление, рассматривались учениками как самоуправство и вызвали бурное негодование. Иногда протест бывал вызван несогласием с оценкой, поставленной преподавателем.

Впрочем, противостояние было не только по вертикали, но и по горизонтали — между полами. Совместное обучение и сексуальная революция 20-х гг привнесли в школу перегибы полового раскрепощения, против которых нередко восставали девушки. Постоянные приставания, недвусмысленные намеки, откровенное насилие сопровождали их на протяжении всего обучения. В знак протеста школьницы Таганрога, например, выпускали нелегальный девичий журнал, о котором юноши не подозревали.

Скрытый протест

Теперь речь пойдет о проявлениях протеста, которые выражаются *косвенно, опосредованно*. В отличие от форм явного протеста, больше направленных на попытку «изменить мир», в этих формах протеста молодежь стремится «изменить себя»; ее недовольство сублимируется в культурно-досуговую сферу, религию, переходит в эскапизм, хулиганство, суицид

Одни педагог в те годы отмечал, что горячий юный пыл направлен на увлечение спортом, искусством, танцами, прогулками, флиртом, даже на мелкий бизнес. Другой писал: «В подрастающем поколении советской России нарастает протест против...«оскотинения» жизни. Это сказывается в повышении интереса к вопросам этики и религии среди молодежи, в образовании различного рода религиозных сект, тайных кружков молодежи».

Наблюдения эмигрантов находят многочисленные подтверждения в читательской почте в средствах массовой информации в самой стране. Так, один из корреспондентов союзного журнала писал, что рабочая молодежь все более отходит от комсомола в хулиганство, пьянство, разврат в различные кружки и организации²⁶. Об этом же сообщало ль на союзных съездах, конференциях и пленумах.

Примечательно, что молодежь предпочитала «официальной» религии *сектанство*. Только в Кубанском округе в 1926 г насчитывалось около 100 религиозных кружков молодежи.

Н.И. Бухарин на VIII съезде ВЛКСМ заявил, что сектантские организации объединяют в своих рядах примерно столько же молодежи, сколько и комсомол (в ВЛКСМ официально числилось тогда около 2 млн. комсомольцев). Заметим, что примерно столько же членов номинально состояло в Союзе воинствующих безбожников, однако комсомольцы составляли там всего лишь 2,5%. В то же время за два года из комсомола за исполнение религиозных обрядов было исключено 14,6 тыс. чел.²⁷

Особенно популярными были секты, имевшие свои отделы молодежи (причем почти в каждом уезде): баптисты, адвентисты, евангелисты. Опрятная одежда, трезвый образ жизни, отсутствие сквернословия, целомудрие, вежливость, культура поведения таких верующих резко контрастировали с уже при-

вычным обликом комсомольца. Сектанты особенно привлекали прежде всего девушек, юноши чаще присоединялись к сектам, нацеленным на духовное и физическое совершенство — толстовцев, вегетарианцев. Впрочем, баптисты привлекали и юношей, получавших одно время освобождение от воинской повинности.

Типичным для большинства советской молодежи 20-х гг., воспитанной в духе атеизма, представляется такая точка зрения, выраженная 22-летним студентом: «В затруднительных случаях я обращаюсь к своему всемогущему другу, Иисусу Христу. Религии для меня никогда не существовало, но Христос, как друг, могучий и знающий все, существовал»²⁸.

Лидеры комсомола считали, что сектантство более опасно по сравнению с православной церковью. Комсомол своими скучными формами работы и политизированностью отталкивал молодежь.

Долгое время были запрещены танцы, а когда их разрешили, то только с целью воспитания. Молодежь возражала против каких-либо попыток лишить ее этого удовольствия. Когда в Московской губернии под предлогом борьбы с пожарами административные органы стали разгонять вечеринки, в одном районе молодежь собралась в овине и сожгла полдеревни²⁹.

Не удивительно, что в этих условиях как грибы после дождя стали появляться многочисленные *молодежные организации* и *кружки культурно-досугового толка*. Возросла популярность «посиделок», «вечерок», «изобок», «хаток-клубов» — традиционных форм организации досуга молодежи. Комсомольцев пускали туда неохотно.

Молодые люди стали больше интересоваться приключенческими и любовными *кинокартинами, беллетристикой, классической литературой*. Одновременно обнаружилось отсутствие у молодого читателя интереса к революционной и политической книге.

Отзывы юных книголюбов говорят об этом достаточно красноречиво: «Читать об этом надоело, «от всякой волиницы одно горе да смута»; «Зачем же нам идти в боях и революции, надо успокоиться»; «Баб комиссарш не надо, и мужчин хватает очень»; «Надоело, и за книгой не дают отдохнуть»³⁰.

У части молодежи четко обозначились аполитичность, разочарование в революционных идеалах, перенос акцентов на собственное благополучие, в том числе материальное. Совокупный молодой человек сер. 20-х гг. устал от политики и революции.

Всего лишь 0,6% юношей и 1,5% девушек к концу 20-х гг. стремились подражать героям революции. Из опрошенных социологами школьников только 2,2% пожелали быть коммунистом, 1,1% — политическим деятелем, 0,3% — комиссаром, тогда как учителем захотели стать 10,4% респондентов, конторщиком — 8,9%; инженером — 5,6%. Были также пожелания стать лавочницей, княгиней, дворянкой, царем, богачом, попом. Опрос 500 читателей журнала «Пионер», проведенный в 1929 г. показал, что на первое место из выбранных профессий дети ставили техников и агрономов (11,1% голосов), на второе — киноартистов (10,2%), на третье — инженеров (8,6%). Революционных и политических профессий не назвал никто. На первое место среди мотивов выбора профессии дети ставили мотивы личного характера (26,5%), на второе — «нравится» (22,6%) и только на предпоследнее VIII место — политические мотивы (2%). Около 7% опрошенных детей высказались негативно о коммунистах, причем их объяснения сводились к следующим: «коммунист отбирает золото из церквей», «на фабрике обсыкивает», «идет чтобы занять хорошее место», «грабитель», «В Бога не верит», «фальшивый», «самый нахальный», «жесточкий», «который продался советской власти»¹¹.

Мечтами, идеалами подростков становились *материальные блага*. Они составляли около 70% всех ответов. Сюда относились свой дом, обстановка, деньги, богатство, одежда, книги и т.д.

Парни предпочитали гулять с модно одетыми и напудренными девушками; те, в свою очередь, мечтали об ухажерах, которые хорошо зарабатывают. Стали популярными «мешанские» лозунги: «лови момент, спеши жить», «бери от жизни все», «жить для жизни, а не для могилы» и т.д. Если до революции у молодых людей преобладали альтруистические мотивы, то к 1926 г их место заняли эгоистические. Личные темы, которые до революции составляли 45% всех тем их общения, в 1926 г — уже 84%. Если накануне революции более половины опрошенных сообщали о наличии цели в жизни, то к концу 20-х гг. таковую имели только 38% молодых людей³².

Уже в сер. 20-х гг. стал явлю бурный всплеск *хулиганства*. Трактовка хулиганства была настолько широка, что в качестве хулиганских можно было квалифицировать очень многое — от нецензурной брани до изнасилования. Нас будет больше интересовать проявление хулиганства как некоего озорства, бузотерства молодежи

С 1924 по 1926 гг. хулиганские действия молодых людей возросли почти втрое. Из всех задержанных за хулиганство 13% составляли коммунисты и комсомольцы. Примечательно, что многие партийные лидеры, рассматривая хулиганство как протест против старой дореволюционной действительности, не хотели признавать, что оно также является протестом против действительности советской.

Пожалуй, А.В. Луначарский был одним из немногих большевиков, кто, оправдывая недовольство молодежи нэпом, делил недовольных на пассивных («у них слезы, водка и слезы») и хулиганов, у которых «ругань, водка и хулиганские выходы», тем самым рассматривая хулиганство как форму протеста³³.

Хулиганы стремились к некоторой самоорганизации. Желание противопоставить себя «нэпманским сынкам» толкало их выделяться внешне: ходить грязно одетыми, не чистить зубы, не ухаживать за девушками и т.д. Язык хулигана тоже играл знаковую роль. В этой среде были популярны блатные песни и блатное арг, нецензурная лексика.

Создавались «Кружки хулиганов», «ОДН» (Общество «Долой невинность»), «ОСА» («Общество советских алкоголиков»), «Интернационал дураков», «Союз хулиганов», «Центральный комитет шпаны» и др. В Архангельской губернии в 1922 г. было создано «Соединенное общество лодырей» («Соль»), основная задача которого — над кем-либо поиздеваться, подшутить; в него потянулись комсомольцы, в том числе секретарь ячейки. В Карелии скучающая молодежь объединилась в «КЕПО» («Карельскую единую партию оболтусов»). Дети, которых не принимали в пионеры, объединялись в «Жультрест» (стремились что-нибудь незаметно стащить, чтобы затем положить на место), «Союз голубятников» (гоняли голубей и организованно их воровали). «Психологическую лабораторию» (интересовались вопросами появления детей на свет) и т.д. В Томске в противовес пионерам ребята организовались в «союз голубых», носили голубые галстуки. В Черноморском округе студенты педагогического техникума образовали кружок «Чопология», где наглядно изучали половые проблемы.

В Калужской губернии появился «Картежный кружок» с девизом: «Деньги ваши — будут наши»³⁴.

Значительная часть молодежи в период НЭПа тяжело переживала *кризис идентичности*. В комсомольской и партийной литературе в те годы распространенным термином стало слово «упадочничество», в дополнение к нему после смерти С.Есенина появился термин «есенинщина» Молодежь, которая, соглас-

но планам партии, должна была радоваться счастливой жизни, на самом деле впадала в апатию и уныние.

«Я решил жить на самого себя, мне никакие организации не нужны, газеты больше не выпи-сываю, все живут для себя, так лучше, а я раньше дурак был», — заявлял молодой рабочий с завода «Красный треугольник». Комсомолец Серов писал в «Комсомольскую правду» следующее: «...Молодежь права, увлекаясь Есениным. Есенин в каждой молодой сегодняшней душе. Это самый естественный представитель, жертва бездушного нашего безвременья... Единое средство — углубиться в самого себя... Задумываясь над окружающей меня жизнью, я все больше убеждаюсь в пустоте моих идей, с которыми я встретил революцию». Таких молодых людей было немало, и они пытались объединиться. Возникали различные кружки типа «Вольница», «Лига самоубийц», где молодежь, в основном учащиеся, изучали С.Есенина, М. Арцыбашева и была готова расстаться с жизнью³⁵.

Э.Дюркгейм, как известно, показал, что число *самоубийств* изменяется обратно пропорционально степени интеграции религиозной, семейной и политической жизни общества. В изучаемый период такой интеграции ни в одной сфере общества не существовало, и молодой человек с его неустойчивой психикой должен был реагировать соответствующим образом. К сожалению, у нас нет надежных данных о количестве молодежных самоубийств. Однако источники, которыми мы располагаем, позволяют судить об их устойчивом росте.

В 1922 г. среди самоубийц было лиц в возрасте 20-24 лет (108 чел. на 1 млн. населения), далее шли лица 18-19 лет (86 человек) и 25-29 (70 человек). Уже в 1923 г. (по неполным данным) наибольшее число самоубийств приходилось на возраст 18-19 лет, затем шли 20-24 года, 25-29 лет и 16-17 лет. Н.Бруханский, обследовавший 359 случаев самоубийств, также заключает, что 75,2% всех самоубийств (из них 63,3% законченных) приходится на возраст до 30 лет.

В армии только в январе-феврале 1924 г. было 497 случаев суицида; 1925-1926 гг. — 485 самоубийств, в 1927 г. отмечен рост на 30% (594 случая). Около 70% самоубийств приходилось на рядовой и младший комсостав. В 1927 г самоубийцы составили 0,3% всех выбывших из комсомола, или около тысячи человек.

Резко стало расти число самоубийств *в раннем возрасте* (только по Уралу среди 12-13-летних в 1926 г. зафиксировано 26, в 1927 — 109, в 1928 — 126 случаев)³⁶.

Конечно, было бы неверно называть все случаи суицида формой протеста, даже косвенного. Трудно достаточно достоверно назвать удельный вес «протестных» самоубийств. Но ясно то, что во многих случаях молодой человек расставался с жизнью так или иначе под гнетом советской действительности, и его уход был своеобразным способом выражения несогласия с нею.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что совокупный молодой человек 1920-х гг. довольно бурно выражал свой протест против советской действительности. Наиболее явно выражали свой бунтарский нрав студенты, красноармейцы, комсомольцы, маргинальные слои молодежи. В семейно-бытовой повседневности девушки были более настроены на протест.

Формы протеста были многолики — от бурного проявления гнева (забастовки, демонстрации, вооруженный бунт, физическое воздействие) до латентного, сублимированного протеста (эскапизм, замыкание в себе, уход в секты, самоубийство).

Действенность молодежного протеста определить достаточно сложно. Документы показывают, что в ряде случаев власти несколько корректировали свою молодежную политику с учетом реакции юношества. Косвенно «результативность» бунтарства молодого поколения подтверждает тот факт, что в 1927 г 48% всех заключенных в СССР составляли молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет. Можно согласиться с Э.Эриксоном в том, что благодаря бунтовщикам, отвергающим существующее положение дел, общество приспосабливается к тому, что называется «человеческими условиями»³⁷.

Примечания:

- 1 Маслов С.С. Россия после четырех лет революции. В 2 тт. - Париж, 1922, т. 2; *Солженицын АИ.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956. Опыт художественного исследования. Малое собр.соч.-М, 1991, т.5; РЦХИДНИ.Ф. 17, Оп. 84, Д 231, Л 32; Ст. Педагог Молодая Россия //Свободная Россия, 1924, № 3.
- 2 *Тополянский В.Д.* Вожди в загоне: Очерки физиологии власти. - М, 1996.
- 3 Чистка высших учебных заведений // Свободная Россия, 1924, № 4; Соловецкие политспиты. Список заключенных (1925) //Звенья. Историч. альманах. Вып. 1.-М., 1991; *Бруновский В.* Дело было в СССР: Страничка из воспоминаний бывшего «смертника» / Архив русской революции, в 22 тт. - М., 1992, т. 19.
- 4 ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д. 177, Лл. 8,23; РЦХИДНИ. Ф. 76, Оп. 3, Д377, Лл. 1,2,10.
- 5 ЦДНИКК.Ф.1998,Оп. 1, Д67,Л.10; *Измозик В.С.* Перлострация в первые годы советской власти //Вопр. истории, 1995, № 8.
- 6 ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д. 177, Лл. 12,17; РЦХИДНИ. Ф.76, Ол. 377, Лл.19,62..
- 7 *Рожков А.* Беспризорники//Родина, 1997,№9; ГАКК.Ф.Р-890,Оп. 2, Д.116,Л. 31;Оп. 1, Д 120а, Л 65; *Раух Г.Х.* История советской России. -Нью-Йорк, 1962.
- 8 *Маклеров А.В.* Борьба с детской беспризорностью в СССР. - Прага, 1927.
- 9 *Булатский Я.* Хулиганство // Молодая гвардия, 1926, № 12; Советская школа. Хроника // Русская школа за рубежом. - Прага Б.г., кн. 34.
- 10 *Шацкин Л.* Оппозиция и комсомол // Молодая гвардия, 1927, № 12; *Перемысловский И.* Итоги и перспективы совместной работы комсомола и органов НКТ /Регулирование труда молодежи. Сб. статей.-М., 1927.
- 11 ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д298, Л.3; РЦХИДНИ. Ф. 17, Оп. 85, Д. 311, Л 16.
- 12 *Лейкин А.Я.* Участие комсомола в борьбе с непролетарскими партиями и союзами за молодежь (1917-1925)/70 лет ВЛКСМ. История, опыт, проблемы. -М, 1989.
- 13 *Моисеев С.* К юбилею комсомола //Социалистич. вестник, 1992, № 2; ЦДНИКК. Ф. 1998, Оп. 1, Д.41, Лл. 4,7,16; ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д301, Л.69,72,121; Д820. Л. 4.
- 14 ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д.1008, Лл. 11,18,22,37; Д.664, Л.55; Большая советская энциклопедия. - М., 1951, т. 9; ВЛКСМ.IV Съезд. Стенограф, отчет. -М.- Л, 1926 (Иван Катальнов в 1934г после убийства С.М. Кирова будет одним из первых арестованных расстрелянных ленинградцев).
- 15 XIV съезд ВКП(б): Стенограф, отчет. -М-Л., 1926; *Москвин М.* Хождение по ВУЗам: воспоминания комсомольца -Париж, 1933; ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д664. Лл 18,22,28.
- 16 *Агреев Л.* Комсомол//Социалистич.вестник,1926,№№15-16;ЦДНИКК.Ф.1998.Оп. 1, Д32.Л. 24об; Д.41. Л.25; ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д661, Л 14-16.
- 17 *Хайт. Д.* Молодежная новь / Комсомольский быт. Сб. м-лов. - Л, 1927; ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д.507. Лл. 48,53; Д550, Л. 10; *Москатов К.* О бытовых болезненных явлениях в комсомоле//Юн. коммунист, 1926, № 19; *Ярославский Е.* О комсомольской дисциплине, курении и пр. / Комсомольский... -С. 114.
- 18 Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины). - Саратов, 1991, ч. 1.

- 19 ЦДНИКК.Ф.1993 Оп. 1. Д41, Л26; ЦХДМО. Ф. 1, Ол.23. Д340а, Л.73; там же, л. 29.
- 20 ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д661, Лл. 24,25; Д. 664, Лл. 13-16,19.;РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 32, Д144, Л1.
- 21 *Галаган А.А., Гостев Р.Г., Криворученко В.К.* Проблемы молодежного движения: история, опыт, перспективы. -Воронеж, 1991; Молодежное движение вРоссии (1917-1928 гг.): Док. и м-лы. -М., 1993,4.1.
- 22 ЦХДМО. Ф. 1, Оп. 23, Д 183, Лл. 9,10; Д 820, Л.8; *Кожухов А.* Социал-демократическое движение молодежи//Социалистам, вестник, 1922,№№23-24; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д991.Л.11; *Солоневич Б.* Молодежь и ПТУ: Жизнь и борьба советской молодежи. - София, 1937; *КучинВ.* Московские скауты // Веч. Москва, 14 ноября 1990.
- 23 *Зуев А.* Чужак //Молодая гвардия, 1922, №№ 6-7; *Рубинштейн М.М.* Юность по дневникам и автобиографическим записям. - М, 1928.
- 24 *Вольфсон С. Я.* Социология брака и семьи: Опыт введения в марксистскую гененомию. - Минск, 1929.
- 25 *Смирнов В.Е.* Психология юношеского возраста.-М.-Л.,1929;Колотинский П.Н.. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов / Труды Кубанск. пед ин-та. - Краснодар, 1929, тт. 2-3.
- 26 Ст. педагог Указ. соч., с. 164; *Маклецов А.В.* Брак и семья в советской России. - Люблина, 1937; *Ермилов В.* Комсомольская печать и запросы молодежи //Молодая гвардия, 1926, № 1.
- 27 ЦДНИКК. Ф.1998. Оп. 1. Д40. Л.81а; *Сутулов Л.* Комсомол в борьбе с религией. - М., 1929.
- 28 РЦХИДНИ. Ф.65. Ои.1. Д.12, Л4; *Рубинштейн М.М.* Указ. соч.. - С. 56.
- 29 *Мильчаков А* Комсомол в борьбе за культурный быт. -М.- Л, 1927; *Резник В.* Комсомольские поселки//Юн. коммунист, 1925, №№2-3.
- 30 *БанкБ., Виленкин А.* Крестьянская молодежь и книга. Опыт исследования читательских интересов. М.-Л., 1929.
- 31 *Рубинштейн М.М.* Указ.соч.-С. 115; *Рыбников Н.А.* Интересы современного школьника. - М,- Л., 1926; Кем хотят быть наши дети. Сб. детских писем для отцов. - М.-Л., 1929; *Бернштейн М.С, Гельмонт А.М.* Наша современность и дети: Педологии, исследование о социальных представлениях современных школьников. М. -Л., 1926.
- 32 *РыбниковН.А.* Указ. соч.; *ТроценкоЕ.* Девушка в союзе //Молодая гвардия, 1926, №3; *Колотинский П.Н.* Указ. соч.
- 33 *Мильчаков А.* Указ. соч.; *Бугайский Я.* Хулиганство //Молодая гвардия, 1926, № 12;РЦХИДНИ. Ф. 17, Оп. 85, Д. 285, Л 70.
- 34 *Гусев С.* Суд пионеров над П.Романовым//Молодая гв., 1927,№ 7;*Фесенко Т.,Фесенко А.* Русский язык при Советах. -Нью-Йорк, 1955; ВЛКСМ IV Съезд; *Ермилов В.* Комсомольская печать и запросы молодежи//Молодая гвардия, 1926,№ 1; *ВласовВ.* Хулиганство в городе и деревне/Проблемы преступности: Сб. статей. - М- Л., 1927, вып. 2; *Москатов К* Борьба за молодежь: О параллельных комсомолу организациях//Юн. коммунист, 1926, №№ 17-18; IV Всесоюзная конференция РЛКСМ: Стенограф, отчет. М.-Л, 1925.;ЦХДМО. Ф.1, Оп. 23, Д495, Лл. 105,108.
- 35 ЦХДМО. Ф.1, Оп. 23, Д661, Д 37; Д 507. Л40; *Шкотов С.* Указ. соч. - С. 118; *Ханин Д.* Большевицское восприятие молодежи и оппозиция// Молодая гвардия, 1926, № 9.
- 36 *Тарновский Е* Сведения о самоуправлениях в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие / Проблемы преступности... Вып.1; *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. - М., 1927; *Бруханский Н.П.* Самоубийцы. - Л, 1927; РЦХИДНИ. Ф.17, Оп. 84, Д991, Л.135; Оп. 85, Д.311, Лл.54,55; ЦХДМО. Ф.1, Оп. 23, Д.661, Л117; Д822, Л124.
- 37 *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. - М., 1996.